

ЦЕНА И ЦЕННОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И РАЗЛИЧИЕ СМЫСЛОВ*

Статья посвящена проблемам современной аксиологии. В ходе исторического развития ценностные ориентиры общества и культуры не раз подвергаются неоднозначным интерпретациям, и порой становится сложно выявить их истинный смысл. В данном случае речь идет о проблеме соотношения таких понятий как цена и ценность. Современная философия предлагает достаточное количество теорий ценности, однако сложности возникают именно на стыке теории и практики, в частности, когда речь заходит о цене и ценности произведений искусства, а также в вопросах сохранения культурных ценностей. Статья предлагает анализ существующих систем соотношения цены и ценности объектов культурного наследия, а также намечает перспективы дальнейшего развития этой социокультурной практики.

Ключевые слова:

аксиология, арт-рынок, искусство, историко-культурная экспертиза, сохранение культурного наследия, ценность.

Понятия «цена» и «ценность» широко используются в повседневной и научной лексике, характеризуя предметы, события, явления, высказывания и процессы. Ценность сегодня описывается как важность и значимость чего-либо для личности, социальной среды, культуры в целом. Ценностям человеческого бытия посвящены исследования в области культурологии, искусствоведения, этики, педагогики и других гуманитарных дисциплин. Разнообразные теории ценностей разрабатывались на протяжении всей истории философской мысли, но именно гуманитарные исследования XIX–XX вв. делают акцент на аксиологическом подходе. Это справедливо в отношении в философских концепций Г. Риккерта, А. Мейнонга, Д. Дьюи, М. Шелера, Н. Гартмана и многих других зарубежных и отечественных мыслителей.

Современная сфера гуманитарных исследований еще более углубляется в аксиологическую проблематику: меры ценностных предпочтений личности устанавливаются с помощью разнообразных психологических тестирований; ценность рассматривается как предмет, имеющий пользу и способный удовлетворять потребности человека, общества и культуры; как идеал; как норма; как значимость для личности или социальной группы.

Казалось бы, научный аппарат терминологических манипуляций и аналитики ценностных смыслов феноменов культуры, поступков, процесса обучения, системы образования и пр. развит как никогда в истории науки. Однако апелляции к

позициям Аристотеля, Канта, Бердяева и других философов создают ложное представление о том, что сегодня мир ценностей изучен досконально. Все большее углубление в область абстракций и научной рефлексии, оттачивание определений, с одной стороны, позволяет философскому стилю исследования проявлять себя во всем блеске, а с другой – философия все дальше уходит от реальной жизни, проблемы которой она призвана решать. Как говорил Альберт Эйнштейн, «чем точнее теория, тем меньше она описывает реальность». К сожалению, теоретическое объяснение всегда отстает от практических процессов. Оно может лишь обобщить и проанализировать материал, предлагаемый самой жизнью.

Одна из дилемм, часто поднимаемых философским сообществом – вопрос соотношения цены и ценности, – кажется принципиально неразрешимым, поскольку сущностные смыслы этих понятий находятся в разных плоскостях, описывая материальную стоимость и нематериальную значимость каких-либо феноменов в контексте их функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Сложности их взаимоотношения и первенства появляются, когда оба этих определения сталкиваются в описании одного и того же феномена, события, памятника культуры. В контексте аксиосферы культуры, безусловно, нематериальные ценности, как «концентраты» духовного наследия человечества, априори ставятся выше товарно-денежных отношений, однако как быть с теми ценностями, кото-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ грант «Аксиосфера культуры» № 12-03-00411.

рые мы называем «культурными» и которые включают в себя довольно широкий спектр вполне конкретных, осязаемых материальных объектов? Самым ярким примером такого феномена является художественное произведения, значимость и роль которого в современной культуре субъективна как никогда, тем более, что искусство в наше время стало весьма прибыльным бизнесом [3].

В философском дискурсе соотношение цены и ценности – скорее вопрос близости понятий и игра слов, нежели реальная проблема. «Цена» или меновая стоимость – это коэффициент обмена конкретного товара или услуги на деньги. Многие экономисты-теоретики, такие как А. Смит или К. Маркс, придерживались именно такой транскрипции, рассуждая о формировании цен и роли рынка в развитии общества. Однако широта ассоциаций и метафор русского языка добавляет к этому простому определению еще несколько смысловых уровней, включающих, например, полезность предмета для человека или мотивационную составляющую, побуждающую к тому или иному выбору.

Классифицируя ценности или аксиосферы по способу их существования, по давней традиции принято делить их на «материальные», «духовные» и «материально-духовные», подразумевая тем самым возможность слияния в едином предмете духовного начала и материально-значимой, дорогой оболочки, что, собственно и порождает дихотомию смысла. Понятия «материальная ценность» и «цена» ошибочно перестают различаться и понимаются как два равнозначных способа описания одного и того же явления.

Стоит также отметить, что классификация ценностей, подразделяющая их на «материальные» и «духовные» не является единственной. Современная социальная философия предлагает различать ценности по самым разным признакам: по сферам бытия, по форме отношения к реальности, по значимости в жизни человека, по собственной значимости, по результату, по предметной направленности, по социальной значимости, по способу кодирования и передачи смысла, по сущности и т.п. И в этих классификациях уже не встречается жесткое противопоставление духовного и материального начала.

Подобный дуалистический подход является наследием суровой действительности научного материализма, который предполагал жесткое разделение мира на бинарные оппозиции: коммунизм-капитализм, пролетариат-буржуазия, тело-сознание, материя-

дух. Бинарный стиль мышления и научного познания представлялся единственно верным еще в середине XX века, когда австрийский мыслитель К. Лоренц писал, что деление мира явлений на пары противоположностей есть врожденный принцип упорядочения, априорная модель мышления, присущая человеку с древнейших времен. Все, что выходило за рамки подобных бинарных систем, не находило объяснения и порицалось как псевдонаучное. Сегодня аксиологические концепции прошлого представляют скорее исторический, нежели практический интерес, многомерность стала нормой не только в отношении мышления, но и научных процессов, вследствие чего ни одна из существующих теорий не является главенствующей. Современная научная картина мира предлагает нам отнюдь не упрощенные схемы объяснения действительности, однако бинарность до сих пор существует в нашем сознании как некий концепт, навязываемый реальности.

Система ценностей является способом «управления» жизнью личности и общества в целом и ценности меняются вместе с поколениями, они флексивны. Человек приобщается в нем скорее интуитивно, нежели посредством научного познания. Все формы бытования и видов ценностей сосуществуют друг с другом и активизируются по воле и желанию человека и общества, т.к. мировоззрение, системы ценностей – это формы ориентации человека в мире, способы познания мира и способы самопрезентации личности. Мысли, действия, поступки, внешний вид, образ жизни, формы творчества – все направлено на реализацию тех или иных целей и ценностей, которыми человек руководствуется. Научное обоснование того или иного ценностного выбора требуется лишь в исключительных случаях, выходящих за пределы нашей повседневной практики, где требуется принять решение, не связанное напрямую с понятием материальной стоимости.

Одной из таких проблем является определении цены произведения искусства: живописного полотна, скульптуры, инсталляции, либо архитектурного ансамбля. Когда дело касается рынка искусства, то на первый план выходит понятие «стоимость», которое, собственно, и задает тон всему процессу. Вокруг деятельности по купле-продаже произведений искусства создан романтически-авантюрный ореол и возникает впечатление, что по уровню прибыли продажи произведений искусства стоят не ниже прибылей в банковском деле или нефтяном бизнесе. Именно поэтому искусство становится так заманчиво –

не само по себе, но своим денежным эквивалентом. Не красотой форм завораживает скульптура, не драматизмом сюжета – живописное полотно, но ценой, которая делает любое произведение мало-мальски способного на творческую деятельность художника привлекательным, а сами произведения искусства становятся знамениты и востребованы не благодаря своим художественным особенностям, а тому, кто и за сколько их приобрел. И нас уже восхищает не сам «Черный квадрат» К. Малевича, а отданный за него миллион долларов, не «Шагающий человек» А. Джакометти, а невероятная сумма в 65 млн фунтов стерлингов и интриги вокруг имени покупателя.

Сам художник сегодня тоже становится творцом в первую очередь не произведений искусства, но своего собственного имени, образа, бренда. Отчасти так происходило всегда на протяжении всей истории существования искусства. К примеру, картины Караваджо в начале его творческого пути продавались на художественном рынке за весьма скромные суммы, тогда как впоследствии знаменитое имя художника позволяло продавать его полотна по ценам, эквивалентным цене роскошного дома. Живопись Гогена и многих других импрессионистов мало пользовалась спросом при их жизни, но впоследствии стоимость полотен только возрастала. Однако в классическом искусстве мерилom выступали художественные достоинства и мастерство автора, сегодня же в почете скорее апломб и неординарность подхода к тематике и выбору материала для воплощения шедевра. Примером могут стать такие художники-скандалисты как Демиен Хёрста, Джеф Кунса, Трейси Эмин и др., чьи произведения значимы и символичны для пространства культуры XXI в.

И снова мы имеем дело с эволюцией систем ценностей, а также с их интерпретациями [4] в контексте аксиосферы конкретных культур: то, что мало востребовано в российской культуре, необыкновенно популярно в Америке и Европе и отвечает ценностным воззрениям и потребностям западной культуры. Так, в свое время работы Кандинского, Малевича, а потом и Ротко произвели фурор в мире искусства, открыв публике феномен беспредметности. Сегодня идеи концептуального и футуристического искусства потеряли новизну и актуальность. Однако, несмотря на то, что реальная потребность российского общества в таком виде искусства сомнительна (по крайней мере об этом красноречиво свидетельствуют полупустые залы современного искусства в отечественных музеях), цена на эти ра-

боты в Европе и Америке со временем не уменьшается.

Тех, кто связан непосредственно с рынком искусства и является его активным участником, больше интересует формирование цены и законы ее роста, и неважно, идет ли речь о продаже всемирно известного шедевра, воссоздании обетшавшего памятника федерального значения, организации выставки, покупки антиквариата или вложении средств в развитие и творческую деятельность начинающего современного художника.

Существует множество методик и расчетов, помогающих адекватно определить цену того или иного произведения. Безусловно, последнее слово всегда остается за автором или законным собственником предмета. Как правило, основным руководством к действию служит общее настроение на рынке, цены, по которым успешно «уходят» аналогичные изделия. Но если стоимость современного произведения искусства можно оценить исходя хотя бы из стоимости материала и трудозатрат, то как быть с культурными ценностями с богатым историческим опытом?

Для того, чтобы «примирить» цену и ценность в рамках конкретных вопросов, касающихся культурного наследия возникает необходимость разработки специальных методик оценки историко-культурных объектов [2]. Примечательно, что такие понятия как «историческая ценность», «сакральная» и «художественная» ценности, «историко-культурный диалог» получают в таких методиках возможность быть измеренными в баллах и ложатся в основу оригинальных формул, позволяющих рассчитать материальную стоимость исследуемого объекта культурного наследия.

Некоторые методы расчета стоимости культурных ценностей заслуживают особого внимания – это авторские методы определения цены произведений искусства А. Рождественского и И. Жарова.

Метод Рождественского был создан в процессе работы с музейными фондами. Безусловно, общение с выдающимися шедеврами искусства и уважение к ним наложили свой отпечаток на принципы методики, которые предполагают много отличий от стандартных способов определения рыночной стоимости. Во-первых, это отсутствие или крайне малый коэффициент т.н. «затратной стоимости» – суммы, затраченной на создание объекта. Во-вторых, метод не излагает готовых способов оценки произведений искусства, предполагая в каждом индивидуальном случае уникальный подход.

Успех оценки и грамотной экспертизы исходит из «принципа достаточного основания» и независимости выбранных критериев для оценки произведения искусства. Среди параметров можно встретить такие, как «впечатление», «рыночная раскрутка», «бренд» (или имя художника), перспективность продажи и пр., позволяющих оценить потенциальный доход от возможной продажи вещи или коллекции в целом.

Метод Жарова располагает более четкими критериями, сведенными для простоты пользования в масштабную таблицу повышающих и понижающих коэффициентов. Среди них – уменьшающие критерии, применяемые к первоначальной стоимости, и повышающие критерии, применяемые к стоимости труда, критерии ограничения перемещения КЦ, утраты целостности, объемов реставрации, возраста культурной ценности, истории происхождения и владения, художественной ценности, научной ценности, причастности к социально-культурным, религиозным и иным традициям народов и пр.

Возможно, «формализация качественных показателей и расчет ценности исторической среды», а также «объективизация критериев оценки историко-культурного наследия» [2, с. 16] на сегодняшний день являются единственными гарантом того, что памятник не будет уничтожен. Вопрос о целесообразности вливания денежных потоков в сохранение и реставрацию «ответивших» памятников до сих пор стоит ребром в нашем обществе. Одна сторона ратует за сохранение культурного наследия, как воплощения нашей истории, жизненного опыта и достижений искусства и иных форм деятельности человека. Эта позиция призывает к бережному отношению к старине вне зависимости от ее рыночной стоимости и прилагает все усилия, чтобы спасти от разрушения и неминуемой гибели исторические объекты. Другая сторона обосновывает правомерность полной деконструкции утратившего прочность памятника и, в лучшем случае, – строительства его копии или реплики из современных материалов (что в разы де-

шевле проведения сложных реставрационных работ), в худшем – использования освободившегося места с финансово более выгодными целями.

Представления о взаимоотношениях стоимости (цены) и ценности объекта во многом связаны с нравственной ориентацией, с базовыми принципами, заложенными в процессе воспитания родителями, средой общения, образованием, социокультурной ситуацией в целом. Не так давно была разработана и приобрела весомое значение историко-культурная экспертиза, реализующая на практике общие принципы организации охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации. Обществу становится очевидно, что вопрос о соотношении цены и ценности, к примеру, культурного памятника или события, носит этический, а не только экономический характер. Бурные дебаты жителей города и правительства по поводу строительства ультрасовременных зданий, а также незаконного сноса исторических памятников в центре Санкт-Петербурга – тому подтверждение.

Интересы современного общества не могут определяться только лишь рынком услуг, который и сам по себе требует разумной регуляции, а в актуальной науке не первый год идут рассуждения о «гуманитарном кризисе». Построение четкой системы ценностных ориентаций общества – задача, конечно, утопическая, однако функциональные возможности такой системы, как то – влияние на массовое сознание, управление мотивацией и поведением граждан, – всегда оставались привлекательными для властных структур. Хочется верить, что сообщества XXI века уже вышли из той фазы развития, что допускает внешнее регулирование и навязывание той или иной системы ценностей, и уже способны к адекватной самооценке и созданию собственных аксиологических ориентиров. Возможно, следующим шагом ценностной самоорганизации нашего общества будет воплощение в жизнь принципов этической экспертизы социокультурных феноменов и ее гуманистических возможностей [1].

Список литературы:

- [1] Зимбули А.Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 11. – 2008, № 72. – С. 38–52.
- [2] Методические рекомендации оценки историко-культурной ценности поселения и применения критериев историко-культурной ценности поселения в оценке недвижимости, расположенной в границах исторического поселения, с целью установления инвестиционной привлекательности. – СПб. – М., 2010. – 69 с.
- [3] Томпсон Д. Как продать за 12 миллионов долларов чучело акулы. Скандальная правда о современном искусстве и аукционных домах / Пер с англ Н.И. Лисовой. – М.: Центрополиграф, 2011. – 382 с.
- [4] Шоломова Т.В. Интерпретация как защитный механизм культуры и гуманитарная технология. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011, № 140. – С. 85–92.